

Л.В.Христолюбова

(Екатеринбург)

ДУХОВНАЯ БЕСЕДА КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР: НА МАТЕРИАЛЕ ДУХОВНЫХ БЕСЕД АРХИМАНДРИТА СОФРОНИЯ (САХАРОВА)

Характеристика духовной беседы как речевого жанра имеет трудности в связи с неоднозначностью трактовки самого понятия «жанр», который используется в литературоведении (жанры литературы) и в лингвистике (жанры речи). В последние десятилетия активно разрабатывается особое направление, непосредственно связанное с понятием «жанр» – теория речевых жанров (жанроведение).

Согласно М.М.Бахтину, речевой жанр – это первичная форма существования языка, возникающая в определенной ситуации общения. Жанр обязательно кому-либо адресован, имеет собственную нормативную экспрессию. Каждая речевая сфера вырабатывает собственный набор речевых жанров, при этом речевые жанры повседневного общения являются первичными, на их основе культивируются системы вторичных, в том числе и литературных жанров [2]. М.М. Бахтин, не используя термин «прагматика», охарактеризовал необходимые прагматические составляющие речевого общения, подчеркивая важность роли адресата (*другого*, в его терминологии), предвосхищения его ответной реакции. Определил речевые жанры как относительно устойчивые и нормативные формы высказывания, в которых каждое высказывание подчиняется законам целостной композиции и типам связи между предложениями-высказываниями [18].

В современной стилистике речевой жанр рассматривается как относительно устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип высказываний (текстов). Речевые жанры характеризуются объективностью, нормативностью, историчностью, особым оценочным отношением к действительности, функцией интеграции индивидов в социум, многообразием и разнородностью, дифференциацией по сферам человеческой деятельности и общения. Рассматриваются в качестве опоры для творчества. При непосредственном общении складываются первичные жанры, в условиях развитой культурной коммуникации появляются вторичные жанры (научная, административно-правовая, политико-идеологическая, художественная, церковно-религиозная сферы общения) [18].

Разные подходы к критериям выделения жанров предполагают их аспектный анализ: план содержания (тематика, проблематика, экстенсивность или интенсивность воспроизведения художественного мира, эстетический пафос), план структуры (система

способов художественного отображения, субъектная организация художественного мира, пространственно-временная организация, ассоциативный фон произведения, интонационно-речевая организация), план восприятия [9].

Поскольку речевые жанры изучаются на самом разнообразном материале, в том числе и на художественных текстах, в современных исследованиях понятие «жанр» четко не конкретизируется (литературный или речевой), они могут использоваться параллельно, если говорится о жанре в целом. Можно согласиться с мнением о том, что «граница между литературными и речевыми жанрами до настоящего времени не установлена» [10, с.52]. Во многих определениях выделяются «универсальные черты» жанра (композиционная структура, типичность отражаемых художником явлений действительности и его отношение к ним, тематическое содержание, система выразительных средств и др.), что снимает разграничения в понятиях «жанры литературы» – «жанры речи» и позволяет говорить о жанре вообще, в целом, и об определенных «жанровых признаках».

Беседа в лингвистике рассматривается как речевой жанр (жанр речевого общения - диалог или полилог), в котором происходит обмен мнениями по каким-либо вопросам, обмен сведениями о личностных интересах каждого из участников для установления типа отношений или бесцельный обмен мнениями, новостями, сведениями (фатическое общение). Выделяют беседу как аналитический жанр журналистики (интервью), светскую и деловую беседу, беседу как метод формирования диалогической речи и т.п. В качестве литературного жанра беседа не рассматривается. Для беседы как разговорного жанра важен тип ситуации и мотивировка общения. С точки зрения композиционно-стилистической формы, жанрообразующим признаком беседы является чередование развернутых высказываний (или микромонологов) с короткими репликами или сериями реплик. В беседе происходит обмен не столько сведениями, сколько мнениями, впечатлениями, оценочными характеристиками. Тематика бесед является широкой (реалии действительности, события науки и культуры, персоналии и т.д.) [6].

С включением в лингвистические исследования церковно-религиозного или религиозно-проповеднического стиля актуальность решения проблемы определения и характеристики жанра только возросла. Необходимость выделения в системе функциональных стилей русского языка церковно-религиозного стиля была обусловлена тем, что определенные речевые жанры, сравнительно недавно попавшие в поле зрения исследователей, не соответствуют по своим функционально-стилистическим характеристикам традиционно выделяемым стилям. В современной стилистике появились исследования, посвященные анализу конкретных жанров религиозно-

проповеднического стиля (В.В. Розанова, О.А. Крылова, И.В.Бугаева, Л.М. Майданова, О.А. Прохвятилова, Со Ын Ен и т.д.). Чаще всего объектом лингвистического исследования становятся тексты Священного Писания, произведения духовной литературы, проповеди, послания, молитвы. В большинстве случаев религиозные тексты подвергаются семантическому, грамматическому, стилистическому и другим видам лингвистического анализа. Изучаются особенности перевода религиозных текстов на различные языки, функционирование религиозной лексики в современном языке и культуре. Внутри церковно-религиозного стиля определен устойчивый набор центральных жанров (молитва, проповедь, исповедь), хотя экстралингвистическая основа их выделения до сих пор остается неясной.

Попытку систематизации жанров религиозного языка предприняла И. В. Бугаева, выделив шесть подстилей религиозного стиля и определив связь между ними и жанрами религиозного языка: подстиль богослужебных книг, молитвенный подстиль, подстиль трудов отцов и учителей церкви, гимнографический подстиль, проповеднический подстиль, учительный подстиль [4, с. 3–11]. С точки зрения такого подхода, духовная беседа относится одновременно к проповедническому и учительскому подстилям.

Интересным представляется подход пермских ученых В.А.Мишланова и Е.С.Худяковой [7], которые предлагают решать проблему классификации церковно-религиозных жанров, используя разные по логическому основанию и по степени абстракции «шкалы». По *шкале институциональности* определяющими оказываются конситуативные факторы: характеристика сферы общения, с точки зрения степени официальности-неофициальности. На одном полюсе этой шкалы выделяется жанр интимно-личной сферы общения (молитва), ближе к середине локализуется жанр исповеди, а на другой половине шкалы – «официальные», социально-маркированные жанры (богословские статьи и трактаты, послания, уставы, каноны и циркулярные письма). Фактор адресанта и адресата является определяющим для *шкалы субъектности*. По этому признаку выделяются жанры с внедиалоговым гипотетическим адресатом (молитва, исповедь); конкретно-диалогические жанры с индивидуальным адресатом (письма и распоряжения определенным лицам); конкретно-диалогические жанры с массовым адресатом (проповедь, устав, циркулярное письмо); конкретно-диалогические жанры с абстрактно-массовым адресатом (послания). *Интенциональная шкала* представлена в виде двух взаимосвязанных шкал. С одной стороны, это шкала метажанров (проповедь, послания к пастве, молитва и исповедь) и жанров, воплощающих периферийные интенции (апология, устав, канон). С другой стороны, содержательно-

интенциональная шкала, на которой церковно-религиозные жанры описываются по качественным характеристикам этих интенций: жанры выражения индивидуальной веры (молитва, исповедь), жанры утверждения и обоснования вероучения (богословские труды), жанры «внушения веры» (проповедь, поучение, послание), жанр установления, «внушения» правил и норм духовной и социальной жизни верующих (устав, канон, циркуляр) [7]. Духовная беседа как жанр в данной типологии не представлена.

Следует отметить, что среди лингвистических исследований церковно-религиозного стиля немного работ, где обращаются к гомилетике - дисциплине, находящейся с риторикой в отношении близкого родства, которую определяют как «учение о христианском церковном проповедничестве» [5, 17]. Гомилетика [*от греч. ὁμιλία* - беседа, общение, собрание и *лат. ethica* - учение о нравственности], наука о церковной проповеди, в систематическом порядке излагающая учение о данном виде пастырского служения [15]. Гомилетическое красноречие иногда называют церковно-богословским или духовным красноречием, поскольку оно связано с изложением и разработкой религиозных тем.

В гомилетике выделяются разные формы проповеди: *беседа, поучение, слово, речь* [1]. С нашей точки зрения, их можно рассматривать как жанры. Православная проповедь как жанр гомилетики обусловлена рядом экстралингвистических факторов: ограниченностью во времени и в объеме; одновременно логическим и экспрессивным характером изложения и восприятия материала; наличием конкретного и абстрактного адресата. Доминирующими особенностями жанра православной проповеди являются внутренняя диалогизация монологической речи проповедника, ее экспрессивность, лексические и развернутые вариативные повторы [17].

Выделение разных типов бесед (как формы проповеди) в гомилетике опирается, в основном, на содержательный аспект. Цель *изъяснительной беседы* - изъяснение текстов Священного Писания при помощи экзегетики (науки о толковании Слова Божия). Такие беседы являются *аналитико-экзегетическими*. *Обычная беседа* носит характер собеседования об одном или нескольких предметах, связанных какой-либо религиозно-нравственной идеей. В этом случае проповедник неограничен жесткими правилами построения проповеди, «он свободен в изложении материала, его речь обусловлена только движением души, последовательностью возникающих мыслей» [20]. *Катехизические беседы* помогают в усвоении христианских истин, их особенность - вопросно-ответная композиция. Подчеркивается, что для беседы как формы проповеди характерны следующие признаки: разнообразие предметов и тем, простота стиля, естественность, общедоступность и назидательность [20]. Проповедь

характеризуют слова ап. Павла: «Проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор. 2:4). В гомилетике не выделяется особого жанра «духовная беседа», может быть, потому что само понятие беседы как формы проповеди предполагает наличие духовно-нравственного содержания.

Имеются отдельные исследования, где намечены ориентиры изучения жанра духовной беседы [15]. Так, в исследованиях А.И.Тарабукиной выделяется три основные формы, в которых осуществляется «надбытовое» общение воцерковленных людей: духовная беседа, совместная молитва и короткие ситуативные встречи, во время которых происходит обмен информацией, обычно поразительной для рассказчика. Цель духовных бесед - обучение «искусству спасения», а также религиозное просвещение и, в конечном итоге, утверждение Божественного бытия. Функция подобных бесед двойная: религиозное просвещение, без которого современные православные не представляют себе духовного роста, и «установление определенной эмоционально-нравственной атмосферы, особого православного мироощущения» [3, с.162].

Архимандрит Софроний (Сахаров) читал духовные беседы братии Свято-Иоанно-Предтеческого монастыря в Эссаксе с 1989 по 1993 год (Великобритания) каждое воскресенье после литургии. На этих беседах присутствовали паломники и гости монастыря. Беседы отца Софрония рассматриваются как духовное завещание, для многих они стали откровением о том, что такое духовная жизнь и как на нее настроиться. Условные названия бесед указывают на главные проблемы эпохи: «О прелести», «О цельности духовной жизни», «Проблема единства церкви», «О программе монашества», «О вечности», «О даре единства, о человеке в этом мире и о национализме», «О любви, познании и вере». Все сказанное старцем можно рассматривать как поучение людям, стремление передать свой опыт грядущим поколениям. Поскольку беседы отца Софрония представляют собой магнитофонные записи бесед, то их можно рассматривать как устную форму данного жанра. Сопоставление текстов бесед в письменном варианте и в аудиозаписи показало незначительные расхождения, касающиеся, в основном, редакторских устранимых разговорных элементов (повторов, инверсий, вводных элементов). Анализ письменной формы духовных бесед (беседы с читателем в православных средствах массовой информации) подробно представлен в исследованиях А.Н.Смолиной и Н.О.Валанчус [11], которые также отмечают недостаточную изученность жанра духовной беседы, несмотря на его распространенность. Основными характеристиками для анализа жанра духовной беседы являются цель, адресат, композиционные, лексические и стилистические особенности, последние были предметом нашего исследования ранее [19].

Отец Софроний постоянно подчеркивал цель своих бесед – уразуметь евангельские заповеди. «Старец был убежден, что от мировоззрения человека, от его догматического сознания зависит и его поведение, и вся его жизнь. А иначе можно быть христианином только в храме, а по жизни оставаться язычником и даже не осознавать это» [13, с.70]. Сами названия бесед определяют их цель и содержание. Однако необходимо отметить, что в отличие от письменных бесед названия записанных, очевидно, определялись редактором (в нашем случае, племянником отца Софрония, иером. Николаем (Сахаровым)). Иногда в начале беседы старец сам конкретизировал цель беседы: *«Цель моя – помочь вам бороться против «рутинности» в монашеской жизни...», «Моей целью является помочь им (молодым братьям и сестрам) понять, почему они здесь и какая цель конечная стоит перед всеми нами», «Но вот о чем я хочу говорить сегодня: всякая мысль, отрицательная или добрая, даже когда мы наедине в келье своей, есть энергия и сила, отражающаяся на жизни всего монастыря», «Сегодня мое внимание обращено на то, что является исключительно характерным для нашей христианской веры», «Тем, кто начинает монашескую жизнь, возможно, полезным будет знать, как бороться с атакующими нас нехорошими помыслами».*

Устная духовная беседа от письменной отличается тем, что адресат здесь не воображаемый, хотя и включающий вполне определенный круг (верующие, монашествующие, люди, которые задумываются о вере, о смысле жизни, о духовно-нравственных проблемах). У отца Софрония адресат – реальный, его община, паломники и просто гости, приезжающие в Свято-Иоанно-Предтеческий монастырь. Интересно обозначена его общность со слушателями – используемое в беседах разное «мы»: монашествующие, христиане, община, слушатели, авторское *мы*. Иногда *мы* в двусоставных предложениях используется в обобщенно-личном значении: *«Проходят годы, десятилетия - и мы не достигаем искомого», «Мы – клетки великого тела человечества».*

Композиция устных духовных бесед практически не отличается от бесед письменных, но всегда включает совместную молитву в начале и в конце встречи. Записанная беседа имеет заголовок, отражающий цель и тему. Это может быть предложная конструкция: *«Господь восходил на Голгофу, чтобы спасти всех», «Наше спасение в нашем единстве», «Как стать персоной и жить как личностный дух».* Частотны заголовки, представляющие собой предложно-именные конструкции: *«О смертной памяти, слове Христа и богоподобии», «О многоипостасном единстве всего Адама и его воплощении в монастырской жизни», «О программе монашества», «О Литургии».* Реже заголовок содержит в себе цитату или уточняющую информацию по

теме беседы: *«Вонми, небо, и возглаголю»: покаяние и апофатика», «Вечность и время во Христе: проблема календаря»* Всегда после заголовка дается комментарий, принадлежащий (как и заголовок) не автору беседы, а составителю, представляющему данную беседу. С нашей точки зрения, для подобного рода комментария корректнее использовать термин «абрежé» (перечень основных тем или внутренних заголовков, либо краткое содержание главы, помещенное перед ее текстом после заголовка), но не «лид эссеистского типа» [11].

В беседах отца Софрония более свободные по формулировке вступления, в них почти отсутствуют характерные для письменных бесед устойчивые обороты (*«Сегодняшняя беседа посвящена...», «В этой беседе я хочу сказать о...», «Сегодня у нас будет беседа на тему...»*) [11]. В начале беседы может быть просто приветствие (*«Всех вас приветствую и прошу молитв ваших в помощь мне!»*, *« Во имя Отца...»*), благодарение Богу (*«Опять и опять я благодарю Бога...», «Вновь и вновь я воздаю хвалу Господу...»*), обращение к слушателям с выражением собственного настроения, состояния (*«Каждый раз, когда Бог дает мне видеть вас, собранных воедино, естественно, радуется мое сердце», «Хотя я беден и нет у меня энергии, но я все-таки радуюсь каждой встрече с вами», «Да, I am not at my best (я не в самой лучшей моей форме), и все равно надо говорить. А вы помогите мне молитвами вашими»*). Беседа может начинаться с напоминания предыдущей темы (*«Прошлый раз я говорил о том, как мы должны сознавать себя, живя в этом мире среди множества людей», «Вчерашняя беседа касалась очень существенных моментов нашей жизни в Боге», «Как и в прошлые беседы, сегодня мое слово обращено к тем молодым братьям и сестрам, которых дал нам Бог»*). Чаще как такового вступления вообще нет, тема или цель предъясняются сразу: *«Цель моей беседы с вами...», «Надо постоянно помнить, зачем мы здесь», «Слово Самого Христа в Его молитве к Отцу является для нас завершением всего плана сотворившего нас Бога»,* для этого может быть использовано и вопросительное предложение: *«Как нам сделать жизнь Христа нашей жизнью?»*. Особо следует отметить, что отец Софроний во многих случаях определял свои беседы как *«слово мое»*.

Основная часть в беседах имеет свободную композицию, нацеленную на раскрытие главной темы (или нескольких тем). Ее можно рассмотреть как диалогизированный монолог, с присущими для него особенностями (обращения к слушателю, риторические восклицания и вопросы, вопросно-ответные единства, использование глаголов повелительного наклонения в форме 2-го лица, мн.ч., глаголов повелительного и изъявительного наклонений настоящего и будущего времен и т.п.). Многие беседы отца Софрония построены как вопросно-ответные единства, что

соответствует синтаксису устной речи. Языковые черты духовных бесед отца Софрония отражают особенности церковно-религиозного стиля в целом. Как стилеобразующую черту можно рассматривать такие приемы интертекстуальности, как цитаты из Священного Писания и трудов святых отцов, обращение к собственному жизненному и молитвенному опыту, аллюзии и реминисценции [12]. Здесь следует подчеркнуть, что отец Софроний свободно владел несколькими языками, поэтому для него характерно включение цитат не только на церковнославянском, греческом, латинском, но и на французском и английском языках.

Заключительная часть беседы не всегда содержит обобщающий вывод, характерный для письменных бесед [11], у отца Софрония вывод может быть ситуативным, иногда неожиданно обрывающимся, иногда с юмором, с оценкой ситуации: *«Я желаю вам хорошей Пасхи...»*, *«Для меня отец Силуан – «отец мой», и, когда я пою этот ирмос, «Бог отца моего» есть мой Бог... Вот я молчу, сказав вам драгоценное для меня слово...»*, *«И так мы живем, покамест не кусаемся»*, *«Так вот, будем желать и жить так, чтобы отец Силуан радовался, а не плакал и рыдал»*. Прощание со слушателями (если оно имеется) часто содержит пожелания: *«И дай вам Бог силы удержаться на этом монашеском пути...»*, *«Да хранит вас Господь»*, *«И да будет Господь милостив к нам и даст нам прибыть в вере христианской до конца, как бы ни было это трудно»*.

В заключение можно сказать, что духовную беседу можно рассматривать как жанр церковно-религиозного стиля. В гомилетике беседа рассматривается как форма проповеди (проповедь-сообщение, проповедь-поучение, проповедь-беседа). Семантика текста бесед обусловлена коммуникативной задачей передачи христианского учения и убеждений проповедника своей пастве. Структура беседы определяется особенностями внутренней организации единиц текста как диалогизированного монолога и закономерностями взаимосвязи этих единиц в рамках всего высказывания. Структурный аспект соотносится с содержательным, что зависит от множества экстралингвистических и лингвостилистических причин. Особо следует отметить цель духовных бесед, состав аудитории, коммуникативную установку и дар слова автора, обстоятельства выступления. *«Старец Софроний отвечал на вопросы, которые издавна задавала Православной Церкви интеллигенция и на которые она не получала удовлетворительных ответов, потому что среди духовенства было мало людей с личным опытом светского искусства, или же те, кто имел этот опыт, не хотели о нем вспоминать или не имели дара слова»* [13, с.22]. В беседах отца Софрония отражен духовный опыт старца, *«который он стяжал более чем за*

полвека монашеского подвига и который он стремился передать своим братьям-монахам» [8, с.11].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверкий (Таушев), архиепископ. Руководство по гомилетике. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 2001. - 144 с.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / сост. С. Бочаров и В. Кожин.- М.: Художественная литература, 1986 – с. 428–472.
3. Берман Б.И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия)//Художественная литература средневековья. М., 1982.
4. Бугаева И.В. О религиозно-проповедническом стиле в русском языке // Ежегодная Богословская конференция ПСТБИ. М.: ПСТБИ, 2003. - 390-394 с.
5. Листвин Д.А. Коммуникативно-прагматические принципы гомилетики в теории риторики . Дисс. канд. филол. наук, Тверь. 2006. - 210 с.
6. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010, с. 37-39.
7. Мишланов В. А. О жанровой специфике текстов церковно-религиозного стиля [Электронный ресурс] / В. А. Мишланов, Е. С. Худякова .– Режим доступа:<http://philologicalstudies.org/dokumenti/2008/1.pdf>
8. Николай (Сахаров), иеромонах. Предисловие к книге «Духовные беседы» архим. Софрония (Сахарова). Том 1, - Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, издательство «Паломникъ», 2003. – 384 с.
9. Практикум по жанровому анализу литературного произведения // Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, Н. В. Барковская, Т. А. Ложкова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1997. – 48 с.
10. Руженцева, Н. Б. Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX века: монография. Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 312 с.
11. Смолина А. Н., Валанчус Н. О. Жанр духовной беседы с читателем в современной российской православной интернет-коммуникации // Мир науки, культуры, образования: международный журнал. № 4 (41). Горно-Алтайск, 2013. С. 63–68.

12. Смолина А. Н., Лубкина О. А. Интертекстуальность как стилевая черта церковно-религиозных текстов // Мир науки, культуры, образования: международный журнал. № 5 (36). Горно-Алтайск, 2012. С. 268–271.
13. Старец Софроний. Ученик преподобного Силуана Афонского// Автор-составитель Л.А. Ильюнина. – СПб.: Искусство России, 2011. – 288 с.
14. Стилистический энциклопедический словарь русского языка//Под редакцией М.Н. Кожинной — М.: "Флинта", "Наука", - 2003.
15. Тарабукина А.В. Фольклор и культура прицерковного круга. Дисс. . канд. филол. наук. СПб, 2000.
16. Традиция. Русская энциклопедия//tradition-ru/org/wiki.
17. Шабанова З.Г. Лингвистические средства воздействия православной проповеди: В историческом аспекте. Дисс. канд. филол. наук. Махачкала, 2006. - 165 с.
18. Шмелева, Т. В. Речевой жанр // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 573–574.
19. Христолюбова Л.В. Приемы речевого воздействия в духовных беседах архимандрита Софрония (Сахарова) // Современная православная миссия: мат-лы докл. III всерос. науч. конф. (г. Екатеринбург, 16-17 окт. 2013 г.) – Екатеринбург: Изд. УМЦ УПИ, 2014. – с.240 - 252.
20. Феодосий (Бильченко), епископ. Гомилетика. Теория церковной проповеди. Московская Духовная Академия, 1999, http://www.golden-ship.ru/_ld/20/2081_1716.htm

ИСТОЧНИКИ

1. Софроний (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. Том 1-й. – изд. 1-е. – Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь. Изд. «Паломник», 2003. – 384 с.
2. Софроний (Сахаров), архимандрит. Духовные беседы. Том 2-й. – изд. 1-е. – Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь. Изд. «Паломник», 2003. – 336 с.